

Криминал
ДЕЛА

ЩЕРЛОК ХОЛМС

И ТАЛИСМАН ДЪЯВОЛА

Барри Робертс Шерлок Холмс и железнодорожный маньяк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158958

Оригинал: *Barrie Roberts, "Sherlock Holmes And The Railway Maniac"*

Аннотация

Эта книга являет собою отредактированную версию подлинных записок доктора Ватсона, утерянных много лет назад и найденных лишь недавно. Перед нами – все тот же верный спутник и ассистент величайшего сыщика мира, гения, чье имя наводило ужас на самых отчаянных и хитроумных преступников, – мистера Шерлока Холмса!

Необъяснимы причины загадочных крушений поездов на железных дорогах Британии, ужасны их последствия. Чтобы докопаться до сути случившегося, Шерлок Холмс и доктор Ватсон решают проделать на чудом уцелевшем паровозе тот же путь, что и погибшая бригада машинистов. Но осуществление этого плана грозит знаменитому сыщику и его преданному другу смертью... Распутывая одно из самых сложных и интересных дел, неподражаемый Шерлок Холмс вместе с Ватсоном отправляется в полное приключений и опасностей путешествие в Египет – на поиски древнего манускрипта, хранящего зловещие секреты

древних жрецов. Но на этот раз дедуктивный метод Холмса приводит к совершенно неожиданным результатам...

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	5
1	7
2	14
3	22
4	31
5	40
6	47
7	54
8	63
9	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Барри Робертс Шерлок Холмс и железнодорожный маньяк

ВСТУПЛЕНИЕ

Предлагаемый текст представляет собой отредактированную версию документа, попавшего мне в руки несколько лет назад. Судя по всему, это один из утерянных или неизвестных публике «отчетов» Джона Г. Ватсона, участника и летописца расследований Шерлока Холмса.

Происхождение документа установить не удалось; кажется, долгое время он находился во владении кого-то из моих предков – медика и современника доктора Ватсона.

Прежде чем представить рукопись на суд читателя, я проделал все возможные изыскания и проверки. Те, кто хоть немного знаком с почерком Ватсона (впрочем, вряд ли существует хотя бы один бесспорный образец), утверждают, что сей «отчет» написан его рукой, к тому же в повествовании проявляется обычная для доктора смесь реальных и выдуманных имен и названий.

Существуют разного рода детали исторического и политического характера, которые, похоже, подтверждают подлин-

ность рукописи. Эти существенные мелочи детально обсуждаются в подробных примечаниях, некоторые из них явно заслуживают большего внимания, и, вполне возможно, более искусная экспертиза, несомненно, установила бы происхождение документа.

Я же могу всего лишь предполагать, что это повествование – работа доктора Ватсона, и, подготовив публикацию, я, поелику возможно, делаю достоянием общественности подлинный отчет последнего расследования величайшего в мире детектива-консультанта Шерлока Холмса.

Барри Робертс

Вэлзол, сентябрь 1993

1

ПРЕРВАННЫЙ ОТПУСК

На протяжении многих лет я излагаю на бумаге детективные расследования моего друга Шерлока Холмса, и теперь моим читателям, видимо, покажется странным, что я приступаю к новой хронике, не будучи уверенным, что она увидит свет в ближайшие годы.

За более чем тридцатилетнюю дружбу с Холмсом, конечно, не раз встречались дела, закрытые для широкой публики. В некоторых из них участвовали фигуры, столь характерные, что никакой псевдоним не скрыл бы их подлинного имени, в других же действовали субъекты, слишком отталкивающие для неподготовленного читателя. Работа третьей группы, зачастую под руководством брата Холмса, Майкрофта, велась в интересах национальной безопасности, посему любые откровения немало способствовали бы потенциальному врагу или слишком обнажали бы закулисную деятельность правительственных кругов.

В деле, представленном ныне, участвуют лица всех трех категорий в силу того, что оно касается члена королевской семьи, затрагивает жизненно важные и щекотливые международные переговоры и являет собой череду преступлений, столь жестоких по замыслу и исполнению и со столь кош-

марными последствиями, что, будь они обнародованы в свое время, резкая реакция и негодование общественности превзошли бы все ожидания и, весьма вероятно, подтолкнули бы наше государство к войне.

Доверяя теперь эти подробности бумаге, я отнюдь не жажду доставить удовольствие какому-либо праздному или жадному до сенсаций читателю, а стараюсь оставить потомкам нашим более правдивый и полный отчет о неустанных попытках Холмса предотвратить международную катастрофу и предать правосудию одного из самых жестоких убийц в истории отечества. Пусть необыкновенные заслуги моего друга тогда, когда, без преувеличения сказать, мир в Европе висел на волоске, будут оценены по достоинству.

Впервые Холмс столкнулся с этим делом осенью 1906 года: он уже года три как отошел от дел. В течение этих лет к нему нередко обращались за помощью, причем обещая весьма щедрое вознаграждение, но большинство просителей уходили ни с чем, ибо детектив в качестве пищи для ума предпочитал изучение своих пчел.

Признаюсь, я давно уже не видел моего старого друга, поэтому с большим удовольствием обнаружил, что конец сентября дарует мне редкую возможность провести неделю или две в его обществе.

Итак, в пятницу в полдень я отправился в Фулворт. Спрыгнув со станционной повозки напротив загородного дома Холмса, я увидел долговязую фигуру экономки, под-

жидавшей меня у ворот. Ее густые серебристые волосы под старомодным чепчиком были, как всегда, зачесаны назад, а выцветшие голубые глаза при виде меня заискрились радостью.

– Как он, Марта? – спросил я.

– Мизтер 'Олмс? – сказала она. – О, доктор, он держится молодцом! Слишком много курит и подолгу засиживается за книгами и бумагами; иногда даже забывает пообедать, занимаясь своими дорогами пчелками, но с ним все в порядке. 'Олмс, конечно, не признается, но он с нетерпением ждал вашего приезда.

Вечером мы с Холмсом решили прогуляться на вершину утеса недалеко от домика; громады Суссекских холмов уже окутывал мрак, а заходящее солнце поливало золотом волны Ла-Манша, которые, разменяв его на мелкую монету, набегали на каменистый берег. Утомленный бесконечными делами в городе, я прекрасно понимал Холмса, уединившегося в этом прекрасном местечке.

Едва стемнело, как мы поспешили домой на ужин, а затем, удобно устроившись у разведенного Мартой огня, вспоминали наши совместные приключения. Холмс несколько раз набивал трубку, описывая и те события, в которых я участия не принимал.

Окончательно почувствован я себя отпускником на следующее утро, когда, проснувшись чуть ли не к обеду, обнаружил своего хозяина все в том же знакомом халате. У ног

его громоздилась кипа газет.

– Доброе утро, Холмс, – кивнул я в сторону газет. – Я вижу, вы не расстались со старыми привычками?

– Вы снова попали в точку, Ватсон, – ответил он, вытаскивая из-под газеты подставку для тостов. – Это всего лишь упражнение в теории. Когда-то публичные издания были предметом моего тщательного ежедневного изучения, по крайней мере криминальные известия и личные объявления. Зачастую они мне подсказывали, чьи шаги ожидать на нашей лестнице на Бейкер-стрит. Вдобавок служили бесценным источником информации о безрассудствах, пороках и несчастьях человечества, настоящей энциклопедией человеческих нравов для детектива-консультанта. Теперь это всего лишь напоминание о том безумном мире, который я покинул ради меньшего, но бесконечно более цивилизованного царства пчел.

– Что ж, – я аккуратно намазал масло на тост, – и каковы же выводы ваших теоретизирований в плане достойных дел, что, возможно, когда-либо нам подвернутся?

– Весьма плачевны, Ватсон, весьма плачевны. Когда-то я полагал, что мое отсутствие приведет к нездоровому пробуждению криминальных сил Лондона, но с моим удалением они, напротив, кажется, окончательно отупели. Политические обозреватели обсуждают запуск нового корабля и соглашение с Францией, а также проблему сохранения мира в Европе; Скотленд-Ярд предъявляет ордер на арест по абсолют-

но предсказуемому маргейтскому мошенничеству с ценными бумагами... Да, еще муж некой дамы из Танбридж-Вэлса в прошлый вторник ушел из дома и до сих пор не вернулся. Тем временем в Ноттингемшире какой-то плотник заявил, что он и есть тот самый знаменитый ист-эндский убийца восьмидесятых, хотя, конечно же, это не он...

– А нет ли каких новостей о крушении поезда в Линкольншире? – Я интересовался подробностями катастрофы, недавно постигшей ночной почтовый в Шотландию. Происшествие все еще будоражило души обывателей.

– Ничего нового, вернее, ничего, что проливало бы хоть какой-то свет на эту трагедию. Более того, мой опыт в железнодорожных делах распространяется только на знакомство с маршрутами и умение сверяться с расписанием. Расследование специальной комиссии, без сомнения, установит причину.

– Сдается мне, – обронил я, – что Танбридж-Вэлс не так уж далеко отсюда. Вы уверены, что еще до окончания завтрака нам не придется утешать рыдающую даму, потерявшую мужа?

– Нет, Ватсон, к сожалению, не уверен. Не перевелись еще те, кто ухитрится разыскать мое убежище и прибегнуть к моим услугам, что же касается этой дамы, то из газетных отчетов очевидно, что у ее заблудившегося мужа другая любовь – наиболее вероятно, в Уэльсе и почти наверняка школьная учительница.

– Право, Холмс... – запротестовал было я, но он оборвал меня коротким взмахом руки.

– Довольно, Ватсон, – проскрипел он. – Вы знаете мои методы и можете проверить мои выводы, сообразуясь с отчетами. Мало того, ничто не заставит меня вернуться к прежним занятиям, тем более на время. Я полностью посвятил себя своим сладким маленьким труженицам, сейчас же предлагаю наконец заняться завтраком. – С этими словами он взялся за крышку филейницы для копченой рыбы.

После завтрака мы еще раз поднялись на вершину утеса и оттуда по петляющей тропинке спустились на покрытый галькой пляж, который занимает изрядную долю побережья в этой части Суссекса.

Выдался настоящий сентябрьский денек – ясный, солнечный, с высоким безоблачным небом. Где-то около часа мы не спеша шагали по прибрежной гальке, время от времени Холмс останавливался, чтобы подобрать обточенный морем камушек или крохотную ракушку, и пускался в рассуждения о геологии и биологии морского побережья. Под солнцем искрился Ла-Манш, а на горизонте бороздили просторы маленькие суденышки. Такое начало, подумал я, предвещает хороший отдых.

Мы повернули назад и почти достигли основания утеса, как вдруг услышали пронзительный крик: «Мизтер 'Олмс! Мизтер 'Олмс!» Спотыкаясь и скользя, по тропинке мчался маленький мальчик. Оказалось, это один из многочислен-

ных племянников Марты. Уже на пляже он ринулся к нам навстречу, затем упал прямо на колени, безуспешно пытаясь отдышаться и передать свое сообщение одновременно.

– Итак, Бобби, – произнес Холмс, склонившись над мальчуганом, – сначала отдышись.

Мальчик наконец перевел дух и поднялся на ноги.

– Мистер 'Олмс, – выпалил он, – тетя велела вам идти побыстрее. В доме четыре господина – срочно хотят с вами поговорить. Они проехали весь путь из Лондона на своем собственном специальном поезде! – И глаза его расширились от удивления.

– Спасибо, Бобби, – сказал Холмс. – Теперь беги обратно к тете и скажи ей, что я сейчас же буду.

Когда мальчик убежал, Холмс повернулся ко мне и насмешливо поднял одну бровь:

– Похоже, Ватсон, ваши замечания за завтраком были пророческими, но, признаюсь, мне непонятно, кого волнует мое мнение по поводу происшествия с шотландским почтовым!

ПЛИМУТСКИЙ ЭКСПРЕСС

– Я Шерлок Холмс, – объявил мой друг, распахнув дверь гостиной.

Четверо посетителей все как один почтительно вытянулись в струнку. Менее чем за двадцать четыре часа я в достаточной мере превратился в сельского жителя, чтобы заметить, как нелепо смотрятся их черные костюмы и высокие шляпы в залитой солнцем деревенской комнате. Старший из них, высокий, респектабельного вида господин, поспешил представиться:

– Мистер, Холмс, я – Генри Борроукли, а это господа...

Холмс прервал его коротким жестом:

– Прошу прощения, мистер Борроукли, но мы сэкономим массу времени, если вы ответите с самого начала, почему, ради всего святого, вы с коллегами полагаете, что я смогу пролить свет на судьбу эдинбургского почтового?

Борроукли ошарашенно распахнул глаза, а один из его товарищей пробормотал: «Экстраординарно».

– Итак, приступим, – начал Холмс. – Пожалуй, довольно редко в поисках моей помощи прибывают вчетвером. Обычно это один-единственный полицейский или какой-нибудь индивид в сопровождении, а зачастую и без, близкого дру-

га или поверенного. Группа людей, чье платье и поведение свидетельствуют о том, что это господа из Сити, наводит на мысль о комиссии или компании. Ваше прибытие на нашу крошечную станцию на специальном поезде, говорит как о чрезвычайной срочности, так и об определенном влиянии в железнодорожных сферах. Видимо, ничто сейчас так сильно не заботит железнодорожное руководство, как судьба ночного почтового в Эдинбурге. Итак, позволю себе повторить: что побудило вас обратиться именно ко мне?

Борроукли с беспокойством взглянул на меня, и Холмс перехватил этот взгляд:

– Это мой друг доктор Ватсон, без которого вы никогда бы обо мне не узнали. Пусть вас не смущает его присутствие, но смею заметить, господа, что вы не просто нарушили мое уединение – вы прервали долгожданный отпуск моего друга в самом его начале!

Борроукли выглядел смущенным:

– Мистер Холмс, мы прекрасно осознаем, что вы отошли от практики. Приносим свои извинения вам обоим за сие бесцеремонное вторжение. Тем не менее дело является настолько важным, что мы осмелились не подвергать себя риску немедленного отказа прежде, чем вы нас выслушаете. Перед вами представители двух железнодорожных компаний, и, уверяю вас, мы можем и собираемся внести любую компенсацию, какую вы только изволите назвать, за нарушение вашего уединения. Что же касается доктора Ватсона, еще раз

просим прощения за то, что испортили его отпуск.

– Две компании? – тотчас уточнил Холмс.

Один из спутников Борроукли выступил вперед:

– Мистер Борроукли из Большой северной железнодорожной компании и имеет отношение к эдинбургскому почтовому. Я – Джордж Джессон из Лондонской юго-западной железнодорожной компании, а это мой коллега Рэдли. Мы объединили силы с Северной компанией, поскольку подобная катастрофа произошла с нашим экспрессом всего лишь несколько недель назад. Последствия были еще страшнее, и ни один из случаев не поддается сколь-нибудь вразумительному объяснению.

Холмс отвернулся и уставился в окно на освещенное солнцем море. Борроукли с ужасом принялся разглядывать спину моего друга.

– Не отказывайте нам, мистер Холмс, – вымолвил он тихо. – Речь идет о смерти более сорока человек.

Холмс резко обернулся и взглянул ему в лицо:

– Вы бы лучше присели, господа, я выслушаю вашу историю. Имейте, однако, в виду – я не давал согласия на помощь! Ватсон, наши гости рано выехали из Лондона. Прошу, будь добр, позвони в колокольчик и поинтересуйся, не найдется ли у Марты чего-нибудь бодрящего.

Подали чай, и Джессон начал рассказ:

– Это случилось менее трех месяцев назад, в последнюю ночь июня. У нашей компании есть почтово-пассажирский

экспресс, который встречает рейсовые пароходы из Нью-Йорка.

– Таким образом, срочная почта и нетерпеливые пассажиры после выгрузки на берег могут тотчас отправиться по железной дороге в Лондон, – перебил его Холмс.

– Совершенно верно. Обычно это небольшой, легкий состав, его задача – быстро доехать до Лондона. В интересующую нас ночь в нем было всего пять вагонов – тормозной, три вагона первого класса и еще один тормозной в конце, который одновременно служил кухней. Между Плимутом и Лондоном была только одна остановка, в Тэмпл-Коумбе.

– На границе Сомерсетшира и Уилтшира?

– Примерно. Обыкновенная техническая остановка, чтобы поменять паровоз на другой, из Плимута. Паровоз под номером 421, находился в полной готовности: машинист и кочегар только заступили на вахту, когда поезд прибыл.

– Поезд пришел в Тэмпл-Коумб без опоздания?

– Да, вовремя. Если вы ездили по нашей линии, то, наверное, знаете, что он проходит по очень неровной местности, но поезд был в Тэмпл-Коумбе примерно минутой раньше положенного. Паровозы сменили без всяких осложнений, и очередной машинист отправился в путь, прямо к вокзалу Ватерлоо.

– Машинист и кочегар были достаточно опытными? Впрочем, извините – я знаю, что персонал локомотива достаточно долго обучается, – я хотел спросить, хорошо ли эти двое

знали машину и маршрут?

– Безусловно. И машинист Роббинс, и кочегар Гэдд были надежны и опытны, а Роббинс прекрасно знал дорогу. Они покинули Тэмпл-Коумб на малой скорости и примерно на четыре минуты опоздали в Динтон, не доехав миль двадцать до Лондона, но затем, по всей видимости, разогнали локомотив до огромной скорости, что-то около семидесяти миль в час, и не снижали ее весь оставшийся путь вплоть до катастрофы.

– Которая произошла... где?

– В Солсбери, мистер Холмс, примерно миль через восемь после Динтона. Было как раз около двух ночи, когда они дали свисток у солсберийской сигнальной будки, а затем прямо-таки влетели в Солсбери.

– Что привело к крушению?

– Там, в Солсбери, железнодорожное полотно сильно изгибается. При подъезде и с востока, и с запада действует ограничение скорости до тридцати миль в час. Роббинс, конечно же, знал, что должен сбросить скорость перед западным изгибом.

Джессон прервал свой рассказ, словно не решаясь продолжить.

– Что же случилось? – спросил Холмс.

– Рэдли прибыл туда на следующий день. Думаю, он лучше опишет исход событий.

Рэдли мучительно наклонился в своем кресле и сжал ку-

лаки:

– Несмотря на чудовищную скорость при въезде на западный изгиб, они каким-то чудом смогли удержаться на рельсах и дотянуть до самой станции, но восточный изгиб миновать не удалось. Поезд слетел с рельсов и врезался в цистерны с молоком, которые двигались к Лондону по другому пути. Состав перевернулся – все вагоны и пять молочных цистерн были полностью искорежены. Сорок ярдов железнодорожных путей вырвало из грунта. Кое-где на земле остались отметины в несколько футов глубиной.

Он содрогнулся и сделал глоток чаю.

– И сколько погибло? – сочувственно поинтересовался Холмс.

– Двадцать восемь, мистер Холмс, – ответил Джессон. – Машинист и кочегар, само собой, двадцать четыре из сорока восьми пассажиров, охранник поезда с молочными цистернами и кочегар паровоза, стоявшего неподалеку. Всего двадцать восемь.

На несколько минут воцарилось гробовое молчание, мой друг сидел с видом человека, полностью погруженного в свои мысли. Затем он поднял голову:

– Я понял, что паровоз был очень сильно поврежден?

– Не так сильно, как можно было ожидать, – откликнулся Рэдли. – Удалось отправить его на ремонт своим ходом. Почему вы спрашиваете?

– Нельзя ли было определить, предпринимал ли злосчаст-

ный Роббинс какие-либо попытки затормозить или остановить поезд на подходе к Солсбери?

– Это часть загадки, мистер Холмс. Тормозной рычаг был выжат до предела, но вакуумный тормоз почему-то не сработал.

Холмс протяжно вздохнул.

– Извините за вопрос, – продолжил он, – но есть ли основания полагать, что Роббинс или Гэдд были нездоровы или выпили спиртного?

– Что вы, сэр! Мало того, что компания, естественно, весьма строга в этом отношении, Роббинс с Гэддом разговаривали с работниками станции в Тэмпл-Коумбе перед отъездом. Говорят, оба были трезвы, а физически и психически – в норме.

– Последний вопрос, – не унимался Холмс, – но опять-таки несколько деликатный для Юго-западной компании. Вы ведь не единственная компания, подающая скоростные поезда к прибытию кораблей в Плимуте. Насколько я знаю, Большая западная компания занимается тем же?

– Да, мистер Холмс, – отозвался Джессон. – Что вы хотите этим сказать?

– Ничего, мистер Джессон, но, если бизнес заключается в том, чтобы доставить пассажиров и почту в Лондон как можно скорее, разве нельзя предположить, что инструкции нарушаются ради скорости, или какой-нибудь особо нетерпеливый пассажир может заплатить машинисту?

– Все возможно, мистер Холмс, но прибытие в Лондон раньше времени считается у нас очень серьезным нарушением. Подобные вещи не поощряются.

– Более того, – добавил Рэдли, – машинист Роббинс и не помышлял об этом. Работники в Тэмпл-Коумбе обратили внимание машиниста, что поезд пришел раньше, и тот собирался снизить скорость, дабы прибыть в Ватерлоо по расписанию и обойтись без взыскания.

– Итак, – резюмировал Холмс, – опытная бригада и знакомый маршрут. Погода – какая была погода?

– Была ясная летняя ночь.

– Трудоспособная, трезвая и опытная бригада, известный маршрут, прекрасная погода и никаких видимых механических повреждений – и все же машинист Роббинс оставляет без внимания ограничение скорости в Солсбери. Свисток, который он дал у сигнальной будки, – это был обычный сигнал?

– Нет, сэр, – отозвался Рэдли. – Он сигналил непрерывно вплоть до самого момента крушения.

– В самом деле? – удивился Холмс. – Ватсон, дело становится интересным. Попроси Марту налить еще чаю, а мистер Борроукли расскажет нам об эдинбургском почтовом.

3

ШОТЛАНДСКИЙ ПОЧТОВЫЙ

– Судьба эдинбургского напоминает катастрофу в Солсбери, – начал Борроукли. – Поезд покинул вокзал Кингз-Кросс в четверть девятого вечером 19 сентября. Он вез и почту, и пассажиров и должен был сделать остановку в Питерборо, Грэнтэме и Донкастере.

– Такой же небольшой состав? – уточнил Холмс.

– Нет, больше, чем плимутский экспресс. В нашем поезде было двенадцать пассажирских вагонов, два из них – спальные, еще три тормозных вагона и один почтовый впереди. В Питерборо при замене паровоза все прошло без затруднений. Сравнительно новый локомотив, номер 276, уже готов был отправиться в путь.

– Состоялась ли там замена паровозной бригады?

– Да, мистер Холмс. Управление перешло к машинисту Флитвуду и кочегару Тэлботу. Флитвуд ездил целых восемнадцать лет, последние два года исключительно на двести семьдесят шестом. Тэлбот – смысленый молодой человек – был учеником кочегара в Ланкастере. Работая в окружном локомотивном управлении, он обслуживал различные типы паровозов, чтобы изучить их особенности.

– Они оба были знакомы с дорогой?

– Они знали маршрут досконально: только что работали там предыдущей ночью.

– Мне придется задать вам такой же вопрос, как и мистеру Джессону: были ли люди здоровы и трезвы?

– Работники станции Питерборо в один голос утверждают, что Флитвуд и Тэлбот были в норме, мистер Холмс. Они поменяли паровоз и отбыли без всяких осложнений.

– Без единой остановки до самого Грэнтэма? – осведомился Холмс.

– Без единой остановки до Грэнтэма в одиннадцать часов, – повторил Борроукли. – Как раз в это время в Грэнтэме, на нижней платформе, к отправке подготовили почту. В пункте Южный Грэнтэм, в первой сигнальной будке дистанционный сигнал был установлен в положение «Осторожно».

– Почему?

– Без трех минут одиннадцать нижнюю главную магистраль должен был пересечь товарный состав. Он переходил с верхней ноттингемской магистрали на верхнюю главную, поэтому непременно бы оказался на нижней главной, той самой, на которую прибывал экспресс.

– Извините, мистер Борроукли, меня несколько смущает такое употребление слов «верхний» и «нижний».

– Простите, мистер Холмс. В железнодорожном лексиконе «верхняя главная магистраль» – это магистраль, ведущая к Лондону. Таким образом, поезд с вокзала Кингз-Кросс ожидался прибытием на «нижнюю главную», то есть из Лон-

дона. На северном семафоре нижней главной магистрали все сигналы указывали: «Путь закрыт». На южном – дистанционный сигнал показывал «Осторожно», чтобы предупредить машиниста экспресса, что станция Грэнтэм для него закрыта и стрелки соответственно переведены. Таким образом, путь для товарного состава был открыт.

– Что могло бы помешать машинисту Флитвуду увидеть этот сигнал? Какова была погода?

– Было темно, мистер Холмс, дождь то лил, то прекращался, но видимость была полная, а красные огни – исправны. В общем, машинист должен был их заметить.

– Но, похоже, не заметил, – откликнулся Холмс.

– Должен был, – повторил Борроукли. – Но почему-то не принял во внимание. Ночной инспектор и почтовый служащий ждали товарный на нижней платформе. Они всматривались в прибывающий поезд и, когда тот промелькнул мимо, заметили почтовый вагон. Стало ясно, что экспресс, проигнорировав сигнал «Осторожно», мчался прямо на сигнал «Путь закрыт».

– На какой скорости он вошел в Грэнтэм?

– Инспектор Пайл утверждает – сорок миль в час, кое-кто говорит – больше. Тем не менее он оставался на рельсах и даже добрался до ноттингемской линии. Преодолеl первый поворот, а на втором повороте тендер сошел с рельсов, снес заграждения на протяжении шестидесяти ярдов, а затем перевалился через них. После этого с рельсов сошел локомо-

тив, причем перегородил собой пути, и первые три вагона врезались прямо в него.

– Пассажирские вагоны?

– К счастью, нет, мистер Холмс. Тормозные и почтовый, но следующие шесть пассажирских вагонов посыпались на насыпь. Остались стоять только последние три.

– Машинист с кочегаром погибли?

– Да, сэр. И по всей видимости, мгновенно. После столкновения обломки охватило пламя: и те, что находились на путях, и те, что внизу, на насыпи.

– Верхние, очевидно, загорелись от топки, а нижние – от вагонных газовых ламп?

– Совершенно верно, мистер Холмс. – Борроукли помолчал. – Всего в катастрофе погибло четырнадцать человек: машинист с кочегаром, почтовый служащий и одиннадцать пассажиров.

– Итак, – заключил Холмс, – ситуация та же самая: надежная и опытная бригада, знакомая с маршрутом и трезвая, и все же поезд мчится к неминуемой гибели, предупредительные сигналы оставлены без внимания. Была хоть какая-то попытка затормозить или остановить состав?

– Неизвестно. Паровоз настолько искорежен, что мы не смогли определить положение регуляторов или тормозного рычага. Есть и еще кое-что, мистер Холмс.

– Что именно?

– Не знаем, что и думать. Сигнальщик Дэй в Южном Гр-

энтэме видел машиниста и кочегара, когда поезд проходил мимо его будки.

– И что же они делали?

– Ничего, мистер Холмс. Дэй утверждает, что просто стояли по обе стороны площадки машиниста и вглядывались вдаль сквозь смотровые окошечки кабины.

– Он уверен в этом?

– Его несколько раз переспрашивали, ибо увиденное лишено всякого смысла, однако он настаивает, мистер Холмс.

– Значит, так оно и есть, – заключил Холмс. – Вернее, в отсутствие других сведений его показания следует принять во внимание. Я бы хотел уточнить, мистер Борроукли, должен ли эдинбургский почтовый давать свисток у сигнальной будки?

– Да, мистер Холмс, должен. Однако этого не произошло. Холмс поднялся и прошелся по комнате.

– Таким образом, плимутский экспресс просигналил без всякого на то предписания, а эдинбургский почтовый – нет, несмотря на то, что должен был это сделать. Признаюсь, господа, ваши проблемы меня заинтересовали.

Он опять отвернулся к окну. А когда наконец заговорил, то показалось, будто перерыва в разговоре и не было.

– Я вновь обращаюсь к вам с вопросом, господа. Откуда такая уверенность, что я могу помочь? Предметом моих исследований всегда было преступление, но здесь это наименее вероятное объяснение случившегося. Зачем преступни-

ку пускать под откос курьерский поезд? Чтобы убить? Ограбить? Уничтожить? Вряд ли. Будь у злоумышленника некое намерение уничтожить поезд или убить каких-нибудь пассажиров, катастрофа, подобная той, какую вы описываете, была бы наименее надежным средством добиться цели. В худшем из ваших случаев, в случае плимутского поезда, половина пассажиров уцелела, а также, без сомнения, уцелела и большая часть багажа и почты. Гарантировать уничтожение определенной вещи или лица в железнодорожной катастрофе нельзя. – Он опять стал мерить шагами комнату. – Если бы мотивом преступления был грабеж, справедлив и обратный аргумент – нет способа гарантировать, что предмет ваших вожеланий уцелеет. Даже, закрыв глаза на проблему, потерпит ли поезд крушение в строго определенном месте. Нет, почти наверняка нет никакого состава преступления. Не понимаю, чем могу быть вам полезен.

– Мистер Холмс, – многозначительно заметил Рэдли, – не все дела, описанные доктором Ватсоном, имели криминальную подоплеку, не так ли? Мы уверены, что во всей Британии нет человека, более подходящего, чтобы расследовать эти два ужасных происшествия и объяснить нам вызвавшие их причины.

– Это вопрос жизни и смерти для обеих наших компаний, – подтвердил Борроукли. – Потеря человеческих жизней сама по себе ужасна, но обычно существует объяснение; некая ошибка в некой системе может быть определена как

причина, и следует принять меры, дабы предотвратить любую возможность повторения. Здесь же мы сталкиваемся с необъяснимыми трагедиями в течение нескольких недель и не можем с полной ответственностью заявить общественности, что подобное никогда более не повторится. Не выяснив, что именно случилось в Солсбери и Грэнтэме, мы можем лишь развести руками, ибо завтра подобное вновь произойдет с нашими компаниями или с любой другой – в Кардиффе или Карлайле, в Дувре или где-либо еще. Доверие к железной дороге будет подорвано, и не без причины!

Тут неожиданно заговорил компаньон Борроукли:

– Общественность подозрительна, мистер Холмс. Циркулируют самые тревожные слухи. Говорят, что бедный Флитвуд был пьян или что он сошел с ума. Говорят даже, что Флитвуда и его кочегара видели дерущимися на площадке машиниста. Если эти слухи не пресечь разумным объяснением, то дни железной дороги в этой стране сочтены, и англичане будут вынуждены, скорее, даже обречены перемещаться в тесных, вонючих автомобилях.

– Господа, – возразил Холмс, – я с самого начала предупреждал вас, что уже три года как удалился от дел, и к тому же не уверен, что детектив-исследователь это то, что вам нужно. Следует еще сказать...

Борроукли тотчас вытащил из кармана лист бумаги и сунул его в руку моему другу.

– Прежде чем вы нас выпроводите, мистер Холмс, пожа-

луйста, прочтите вот это. Нам настоятельно рекомендовали проконсультироваться именно у вас.

Холмс развернул бумагу и, скользнув по ней взглядом, передал мне. На белом листе гербовой бумаги проступал тисненый адрес клуба «Диоген» в Пэл-Мэл и вчерашняя дата, а также несколько строк, написанных четким знакомым почерком:

«Мой дорогой Шерлок!

Прости за сие нарушение твоего заслуженного покоя. У моего друга Борроукли и его коллег, похоже, серьезные проблемы, и я взял на себя смелость полагать, что ты, возможно, способен им помочь.

Стоит ли упоминать, что я (и правительство Его Величества) будут глубоко признательны, если ты сможешь оказать содействие моим друзьям?

Твой любящий брат М».

Я вернул послание Холмсу; засунув его в карман пиджака, он поджал губы.

– Что ж, господа, – проговорил он. – Я проделаю все изыскания, которые могут иметь отношение к делу. Однако смею напомнить, речь идет об отпуске Ватсона, и я настаиваю, что он по крайней мере имеет право на остаток уик-энда, прежде чем вы заберете с собой его хозяина. Мистер Рэдли, паровоз плимутского экспресса уже работоспособен?

– Он полностью отремонтирован, сэр, но все еще в депо в Найн-Элмсе.

– В таком случае, если возможно, хорошо бы пригнать его в Тэмпл-Коумб во вторник утром вместе с бригадой, по крайней мере столь же опытной, как Роббинс и Гэдд. Пожалуйста, дайте необходимые распоряжения, дабы я мог проехать вместе с ними от Тэмпл-Коумба до Солсбери.

– Я займусь этим немедленно, – ответил Рэдли и вместе со своими коллегами с облегчением вздохнул.

– А теперь, господа, надеюсь вы оставите нас с доктором Ватсоном, дабы не омрачать остаток уик-энда. Я буду в Плимуте в понедельник и оставлю несколько слов в конторе Юго-западной компании, чтобы вы могли меня разыскать. Всего доброго, господа.

Они поднялись и попрощались, выражая искреннюю благодарность Холмсу. Вагон их наконец укатил по направлению к Фулворту, и я не преминул поинтересоваться:

– Итак, Холмс, что же заставило вас сменить точку зрения?

– Не знаю, – ответил он, – была ли то любопытная деталь с гудками или еще более любопытная озабоченность Майк-рофта. Ему нет дела, насколько мне известно, до репутации железнодорожных компаний. Хотел бы я знать, с чего бы ему быть глубоко признательным, не говоря уже о правительстве Его Величества?

4

ИСЧЕЗНУВШАЯ ДАМА

Моих читателей вряд ли удивит, что в следующий понедельник Холмс отправился в Плимут не один. На самом деле, не пригласи он меня с собой, я бы сильно расстроился, ибо еще не столь состарился, чтобы не ощутить то самое воодушевление, которое впервые испытал на Бейкер-стрит двадцать пять лет назад в преддверии очередного приключения.

В воскресенье Холмс весь вечер просматривал книги, в основном карты и географические справочники. Время от времени он что-то писал, подготавливая вопросы к железнодорожным компаниям.

В конце концов он с головой ушел в старые тетради, куда на протяжении всего нашего с ним знакомства записывал необычные и редкие факты и сообщения из криминальной области. Сыщик просматривал подшивку за подшивкой, пробегая страницы указательным пальцем, затем отправлял ее обратно в шкаф и брал другую. Он сновал туда-сюда – тащил тетрадку к лампе, скользил по ней взглядом в течение нескольких минут, потом захлопывал, издавая нетерпеливое хмыканье.

Когда весь длинный ряд истрепанных подшивок был ис-

черпан, он вернулся в свое кресло и в течение нескольких минут сидел, барабая пальцами по столу.

– Здесь просто-напросто нет такого, Ватсон! – воскликнул он в конце концов.

– Нет такого – чего, Холмс? – поинтересовался я.

– Подобного железнодорожного преступления, – ответил он. – Я могу пересчитать по пальцам все мало-мальски значительные преступления, связанные с нашей железной дорогой, начиная с момента ее возникновения. Кража крымской платежной ведомости Пирса и Эйгара полвека назад, преступление большой изобретательности и оригинальности, ну что еще? Убийство Бриггов на Лондонской северной железной дороге в шестьдесят четвертом году, которое не забыто только потому, что послужило толчком к установке системы связи, и смерть Исаака Гоулда на Брайтонской линии в восемьдесят первом!

– Вы разочарованы? – спросил я.

– Ватсон, никто так пристально не следит за прогрессом науки, как профессиональный преступник. За каждым техническим новшеством следует по пятам какое-нибудь новое преступление – за исключением, кажется, железной дороги. За три четверти века это величайшее изобретение вызвало всего лишь одну дерзкую кражу и несколько жалких убийств. Нет, Ватсон, я был прав. Здесь нет преступления, просто какая-то оплошность или техническая неувязка.

Ранним утром следующего дня мы направились в Пли-

мут, прежде протелеграфировав Джессону, чтобы тот доставил необходимые Холмсу сведения. На вокзале Ватерлоо нас встретил служащий с копиями документов и огромным рулоном карт и проводил в заранее заказанное купе. Прежде чем поезд отправился, он вручил нам две проездные карточки с красивым тиснением, которые позволяли ездить по всем железным дорогам Британии.

Пока мы катили на запад, Холмс занимался бумагами, разматывал карты железных дорог и схемы расположения станций, пока не завалил ими весь пол и сиденья в нашем купе.

Он внимательно вглядывался в условные обозначения и сверялся со списками, а я в это время смотрел на сменяющиеся друг друга пейзажи. Постепенно вересковые пустоши, что окружают Лондон с запада, уступили место влажным и тучным равнинам Хемпшира и холмистым лугам Уилтшира. Вскоре в полях, в накатанных повозками колеях дорог, показалась сырая красная земля запада, и после полудня мы наконец прибыли в Плимут.

Здесь нас встретил сам начальник станции и проводил в отведенные для нас в «Золотом олене» комнаты, где мы, пообедав, уединились с бутылкой портвейна.

Теперь мой друг устремил свое внимание на одну из копий. Как можно было заметить, она содержала по большей части машинописные сообщения и списки, которые он тщательно сравнивал. Через некоторое время сыщик передал

мне два листа бумаги со списком имен и адресов. Сам же взял в руки стопку документов.

– Не могли бы вы помочь мне, Ватсон, – попросил Холмс. – Я передал вам список пассажиров плимутского поезда, составленный после происшествия. Помеченные крестиком – это погибшие. У меня здесь показания, взятые у оставшихся в живых. Давайте я прочту их имена и адреса, а вы, будьте так добры, проставьте галочки против каждого из них в вашем списке.

Из каждого показания он зачитывал имя и адрес свидетеля, пока не перечислил их всех. Я находил и помечал данные в своем списке, и так до тех пор, пока Холмс не перевернул последнюю страницу.

– Все в порядке, Ватсон? – спросил он.

– Вы, похоже, пропустили один протокол, Холмс. Кроме погибших и перечисленных вами, здесь значится еще одно имя.

– Точно! – воскликнул он. – От мистера Джонатана Я. Сэмюэля из Нью-Йорка нет ни заявления, ни какого-либо адреса в вашем списке, кроме сведений о том, что он останавливался в отеле «Виктория» на Нортумберленд-авеню.

– Совершенно верно, – согласился я и вновь просмотрел список. Я представил сцену чудовищной бойни в Солсбери той летней ночью, и в памяти всплыли воспоминания о войне. – Вы уверены, что не произошло путаницы между живыми и мертвыми?

– Подсчитайте крестики, Ватсон. Их всего двадцать четыре.

– Верно, Холмс. Но если мистер Сэмуэль был в отеле «Виктория», непонятно, почему компания не взяла у него показания?

– Вот именно, и это легко выяснить. Пожалуйста, передайте мне мои письменные принадлежности и вызовите мальчика.

Как только посыльный удалился, унося с собой телеграмму с пометкой «Ответ оплачен», Холмс позволил себе передышку. Его недавнее нетерпение и напряженность вмиг улетучились, и, попивая портвейн, мы вновь погрузились в воспоминания о прежних похождениях. О, этот феномен я наблюдал уже множество раз на ранних стадиях дела! В бессмыслице запутанного клубка железнодорожных аварий Холмсу, видимо, удалось нащупать потерянный конец нити. Теперь, насколько я знал своего друга, он будет упорно тянуть за него до тех пор, пока не распутает все дело.

Мы уже собрались было ложиться спать, когда с ответом вернулся мальчик. Управляющий отелем «Виктория» официально удостоверял, что никакой Джонатан Сэмуэль там не останавливался.

– Значит, наш пассажир из Нью-Йорка дал компании фальшивый адрес! – воскликнул я.

– Не спешите с выводами, Ватсон, – охладил мой пыл Холмс. – Мистер Сэмуэль вполне мог останавливаться в

«Виктории», но так как он наверняка назвался вымышленным именем, то, видимо, еще не раз сменил его.

– Почему вы так считаете?

– Очевидно, давая этот адрес, он стремился избежать встречи, тут уж он вполне мог присовокупить выдуманное имя. К тому же, Ватсон, подозреваю, наш загадочный путешественник в известной мере обладает чувством юмора. Как вы думаете, что обозначает буква «Я» в его имени?

Я, признаться, был поставлен в тупик, и Холмс улыбнулся:

– Да конечно же, янки, Ватсон!

– По-моему, такого имени нет – даже среди американцев.

– Его имя, Ватсон, это старинное прозвище наших американских «кузенов», а фамилия совпадает с хорошо известным «Дядюшка Сэм». Уж не указывает ли этот инициал на теперешнее обозначение наших соотечественников?

Я покачал головой, как всегда, поражаясь затейливому ходу мысли моего друга.

Мы рано позавтракали и тотчас отправились в контору Лондонской юго-западной железной дороги, где любезный служащий разыскал нам список пассажиров, заказавших тридцатого июня билеты с рейсового парохода «Нью-Йорк» на плимутский поезд.

Джонатан Я. Сэмюэль среди них не значился. Его место в списке занимала мисс Эйлин Нигл, тоже из Нью-Йорка.

По пути в контору компании морских перевозок я обдумывал это последнее открытие.

– Холмс, – обратился я к сыщику – выходит, у нас есть дама с американского лайнера, которая, заказав на поезд билет, исчезла, а ее место занял мужчина с вымышленным именем и адресом; он тоже исчез после катастрофы. Вы уже выработали какую-либо версию по поводу взаимосвязи этих лиц с авариями?

– Первейшая ошибка, – ответил Холмс, – полагать, что некие явления, казалось бы, находящиеся в непосредственной близости, обязательно связаны между собой, а вторая – заходить в рассуждения слишком далеко, не располагая никакими фактами. Тут может иметь место и любовная интрига, и международный шпионаж, и просто личная неприязнь. Судя по тому, что нам известно, Сэмуэль, возможно, тот самый пропавший муж из Танбридж-Вэлса, а мисс Нигл – его светлая любовь.

В пароходной компании подтвердили, что мисс Нигл действительно села в Нью-Йорке и заказала билет на поезд. Никакого «мистера Сэмуэля» не было ни на лайнере, ни на поезде.

Мы уже забирались в кеб рядом с конторой, когда из двери с небольшим конвертом в руке выскочил пароходный служащий.

– Мистер Холмс! – воскликнул он. – Может быть, это прояснит дела? Коллега мне только что напомнил: ночью для леди пришла эта телеграмма, но поезд уже ушел.

Шерлок Холмс с благодарностью воспринял это известие

и, когда мы тронулись, вскрыл желтый конверт. Пробежав глазами строчки, он улыбнулся:

– Ну, Ватсон, по крайней мере на ваш вопрос ответ получен. Мисс Нигл и мистер Сэмуэль, если только оба они действительно существуют, скорее всего имеют отношение к нашим поискам. – И он передал мне телеграмму.

Отправленная из Лондона 30 июня поздно вечером, она была весьма лаконична:

МИСС ЭЙЛИН НИГЛ
РЕЙСОВОЕ СУДНО НЬЮ-ЙОРК В ПЛИМУТЕ
М-Р СЭМУЭЛЬ СРОЧНО ОЖИДАЕТСЯ В
БОЧОНКЕ
ПРОШУ НЕ ОПАЗДЫВАТЬ М

Это ничуть не прояснило дела, и я не стал скрывать своего недоумения.

– Да, отсюда следует, что мисс Нигл и мистер Сэмуэль каким-то образом связаны; видимо, у него было назначено свидание в Лондоне, очень важное для отправителя телеграммы, который ожидал его в отеле или маленькой гостинице под названием «Бочонок», но какое все это имеет отношение к нашему расследованию?

Холмс рассмеялся:

– Бочонок, Ватсон, почти наверняка не имеет ничего общего с гостиничным бизнесом. Здесь приведена простая, предельно ясная шифровка самого закрытого клуба на Пэл-

Мэл¹, которому покровительствует мой брат, – это клуб «Диоген», названный в честь философа, который жил в бочке. В качестве подтверждения своей догадки, я воспринимаю типичную краткую подпись Майкрофта. Видимо, уладив все дела на западе, нам придется разыскать моего родственника и выяснить причину его повышенного интереса к этому делу!

¹ Пэл-Мэл – улица в центре Лондона, на которой расположены несколько известных клубов. – *Здесь и далее примеч. перев.*

5

ПОДГОТОВКА К ЭКСПЕРИМЕНТУ

Рэдли уже поджидал нас на платформе в Тэмпл-Коумбе и пригласил перекусить в трактир. За трапезой Холмсу следовало уточнить свои распоряжения железнодорожной компании.

– Мы доставили сюда тот самый паровоз, – пояснил он, – и укомплектовали его самой хорошей бригадой, но мы не можем утвердить ваш маршрут, пока не проясним, что вы намерены делать.

– Мне надо, – отозвался Холмс, – проехать на площадке машиниста паровоза номер 421 весь путь отсюда до Солсбери, но очень медленно. Я изучил предоставленные вами схемы путей и расположение станций и теперь хочу подробно исследовать дорогу – возможно, мне удастся выяснить, что видел машинист Роббинс, или, напротив, то, что он не смог увидеть. Поэтому хотелось бы совершить поездку в то же самое время суток и при как можно более сходных обстоятельствах. Сегодня ночью, похоже, будет относительно ясно, хоть и не так тепло. Но полагаю, добиться большего просто нереально.

– Что ж, – удовлетворенно хмыкнул Рэдли, – я устрою,

чтобы четыреста двадцать первый выехал сразу же после отхода плимутского поезда. И протелеграфирую необходимые технические распоряжения, дабы освободить вам путь до самого Солсбери.

– Отлично! – кивнул Холмс. – Интересно, а нет ли сегодня в Тэмпл-Коумбе кого-нибудь из персонала, кто был здесь в ту самую ночь?

– Я все предусмотрел, мистер Холмс, и распорядился, чтобы все они сегодня присутствовали.

После ленча мы возвратились на станцию, где Рэдли, прежде чем занять телеграфную линию сообщениями о нашем эксперименте, представил нас служащим, что были здесь в ту роковую ночь.

Холмс расспрашивал мистера Фурца, ночного дежурного, и стрелочника Мюлле относительно здоровья и трезвости паровозной бригады, но те единодушно отстаивали свое мнение о том, что мужчины были трезвы и в добром здравии. Похоже, они говорили правду, а не просто заботились о репутации погибших товарищей.

Стрелочник Мюлле перекинулся парой слов с Роббинсом, и Холмс припер его к стенке:

– Итак, мистер Мюлле, неужели вы станете утверждать, что машинист плимутского поезда не согласится за дополнительное вознаграждение от какого-нибудь торопыги прибавить скорость?

– Бывало, скажу я вам, сэръ, может быть, и не раз, сэръ, но

только не Роббинс, сэр. Он был не из таких. Ну, стоим мы, значит, на этой платформе, приходит поезд, а я ему и говорю: «Аккурат ко времени», – потому что он пришел даже на минуту или две раньше. А он мне и отвечает: «Ко времени, скажу я вам, да только в Ватерлоо раньше сроку я не собираюсь, а то еще придется идти на свидание с управляющим». Нет, сэр, не очень-то он собирался гнать поезд.

Мы забрались на площадку машиниста локомотива, который стоял на запасном пути, и инспектор Фурц познакомил нас с бригадой. Машинист Пруст оказался приземистым мужчиной лет пятидесяти, с густыми седеющими усами, а кочегар Тэррант – высоким и тощим, было ему лет сорок или около того. Они продемонстрировали процесс работы, показали Холмсу, как управляют паровозом во время движения, а затем Пруст спросил:

– Что именно требуется от нас сегодня ночью, сэр?

– Мы с доктором Ватсоном поедем с вами, хорошо бы двигаться тихим ходом, постоянно на всем пути в Солсбери. Мы с доктором будем смотреть по сторонам, дабы не пропустить чего-либо необычного. Вам же, друзья, предстоит управляться с машиной и сообщать нам, если обнаружится нечто из ряда вон выходящее. Надеюсь, вы знакомы с маршрутом?

– Бог с вами, сэр, – ответил Тэррант, – машинист Пруст знает здесь каждый рельс и по стуку колес безошибочно определит, насколько он расшатался со времени последней

поездки!

– Отлично! – воскликнул Холмс. – Именно это я и имел в виду. Итак, встречаемся здесь же, перед отправлением плимутского поезда.

– Не мешало бы вам одеться потеплее, господа, если вы собираетесь бодрствовать на площадке всю дорогу до Солсбери, – заметил Пруст. – А не то вас основательно проморозит.

– Благодарю за заботу, – отозвался с площадки Холмс.

На обратном пути в трактир я поинтересовался у Холмса, что это «необычное» он рассчитывает увидеть.

– Ничего! – огрызнулся сыщик. – Ожидать что-либо увидеть – означает почти наверняка увидеть ЭТО, даже если его там нет, не говоря уж о том, что можно не увидеть того, что там есть в действительности. Сегодня ночью следует высматривать, нет ли по пути чего-нибудь такого, чего быть не должно или, напротив, отсутствует что-либо такое, чему пренебрежительно надлежит быть. В этом, Ватсон, и заключается наблюдение!

Двинувшись навстречу хозяйке трактира, Холмс объяснил ей, что нам нужно, извинившись за некоторые неудобства.

– Не беспокойтесь, мистер Холмс, – ответила она. – Мистер Фурц уже рассказал мне про ваш эксперимент в связи с тем ужасным крушением, и, если ваша работа будет способствовать предотвращению аварий, я буду только рада слу-

жить вам. Бедные пассажиры – после такого и впрямь будешь бояться ездить на поезде! Итак, мистер Холмс, что вам угодно?

– Перво-наперво, хорошо бы попить чаю в дальней комнате, а затем воспользоваться ею для отдыха. К сожалению, мы не можем приступить к делу, пока не отправится плимутский экспресс, посему придется вам потерпеть наше присутствие. И кроме того, вас не затруднит подать нам легкий холодный ужин немного позже?

– Нисколько не затруднит, мистер Холмс! О, если бы здесь был мой Альберт! Он любит читать, мой Альберт, и викарий дает ему журналы с вашими рассказами, доктор. – Она одарила меня ослепительной улыбкой. – Он гостит у сестры в Бэт, но я обязательно расскажу ему, что у нас был Шерлок Холмс с великим доктором Ватсоном прямо здесь, в дальней комнате!

Она пошла хлопотать насчет чаю, а Холмс изумленно выгнул бровь:

– Похоже, имя автора сенсационных отчетов о моих расследованиях весит в патриархальном Сомерсете больше, чем имя скромного сыщика, их осуществляющего: «великий доктор Ватсон», – вы слышали?!

После чая мы сидели в гостиной, Холмс сосредоточился на своих схемах, а я тем временем изучал подробную карту нашего маршрута в Солсбери. В конце концов он вытащил из кипы список с именем Джонатана Я. Сэмуэля и телеграмму

для мисс Нигл, положил на стол перед собой и, покуривая трубку, в молчании переводил взгляд с одного документа на другой.

Наконец самые поздние посетители покинули бар, щелкнул замок на входной двери. Примерно через пятнадцать минут стук в дверь гостиной возвестил начало ужина из сэндвичей. Накрыв на стол, хозяйка раздула в камине огонь.

– Что ж, господа, если вы больше не нуждаетесь в моих услугах, я отправляюсь в постель. Будьте так добры, проверьте лампу перед уходом. И пожалуйста, выходите через заднюю дверь.

– Боюсь, мы причинили вам столько хлопот! – воскликнул я.

– Ничего страшного, доктор! Мистер Фурц говорит, железная дорога все оплатит, да и мой Альберт никогда не простил бы мне нелюбезного обращения с вами! К тому же экспериментаторы у меня здесь не впервые.

– В самом деле? – удивился я.

– Ну да! Летом вот был господин, приехал из Лондона в один прекрасный день с огромным медным телескопом со складными ножками. Сказал, что приехал посмотреть какой-то особенный вид луны.

– Астроном? – уточнил я.

– Вроде того, доктор. Конечно, не такая знаменитость, как вы или мистер Холмс, но мой Альберт утверждал, что видел его портрет в журнале и он известен чем-то еще. Этот чудак

говорил, что Тэмпл-Коумб самое лучшее место в мире для таких вот наблюдений. Он был в этой гостиной, прямо как вы, потом получил телеграмму, в которой вроде бы говорилось, куда идти смотреть луну, и ушел прочь. Ладно, не буду больше отвлекать вас. Спокойной ночи, господа!

Пожелав ей спокойной ночи, мы принялись за ужин, который не на шутку затянулся, и чуть было не опоздали к поезду. Холмс по совету машиниста надел длинный плащ, неизменную фуражку и обмотал шерстяной шарф вокруг шеи, я же накинул на себя толстое твидовое пальто, а на голову водрузил мягкую кепку.

Когда часы в гостиной пробили назначенное время, Холмс погасил лампу и открыл дверь.

– Идемте, Ватсон, – бросил он в темноту.

6

УЖАС НА ПЛОЩАДКЕ МАШИНИСТА

Сколько бы времени ни прошло, прежде чем эти мемуары увидят свет, все же осмелюсь утверждать, что и тогда среди моих читателей отыщется хотя бы один мужчина или мальчик, который мечтал в свое время стать машинистом паровоза. Конечно же, в памяти всплыло собственное детство, когда мы с братом готовы были тотчас побросать все свои игрушки, услышав гудок приближающегося поезда, и бежать к железнодорожной насыпи; и каждый из нас воображал, что это он стоит на площадке и ведет огромную, пышущую паром и дымом махину. Поэтому, когда мы с Холмсом взобрались на площадку четыреста двадцать первого, я испытал ни с чем не сравнимое удовольствие в предвкушении настоящей поездки с паровозной бригадой экспресса.

Для тех, кто никогда не ездил на площадке машиниста, думаю, будет бесполезным узнать, что это, по сути, огромный камин. Позади паровозного бойлера есть переборка, в коей расположена дверца, открывающая топку, примерно как в кухонной плите. Выше, по обеим сторонам топки, находятся два окошка, те самые «смотровые» окошки, куда, как утверждает сигнальщик из Грэнтэма, уставились машинист

и кочегар эдинбургского почтового. Между этими окошками – ужасающее количество трубок, рычагов, клапанов и кранов, машинист с их помощью управляет паровозом. Разнообразные шкалы и циферблаты сообщают о паровом давлении, состоянии воды и так далее. Все это накрыто металлическим козырьком с маленькими окошечками с обеих сторон, прямо напротив каждого из выходов на площадку.

Сзади к площадке машиниста прилегает угольный тендер. Для удобства паровозной бригады крошечные сиденья для машиниста и кочегара находятся слева и справа от топки. Если вам показалось, что бригада располагает огромным рабочим пространством, то позвольте напомнить, что с тех пор, как мир отказался от старой доброй «широкой колеи», расстояние между колесами железнодорожного состава всего лишь четыре фута и восемь дюймов. Поэтому когда мы собрались вчетвером, на площадке машиниста стало тесновато.

– Ну а теперь мы с вами, Ватсон, должны основательно похудеть, дабы машинист Пруст и его коллега могли беспрепятственно управлять машиной. Я хотел бы встать слева – занять «место машиниста» – так вы его называете, мистер Пруст? – и наблюдать за дорогой с этой стороны, а доктор Ватсон разместится справа. Таким образом мы сможем обозревать всю магистраль и прилегающую местность, не мешая бригаде работать.

Холмс опустил уши своей фуражки и завязал их под под-

бородком. В тот момент, когда он обматывал лицо шарфом, а я нахлобучивал кепку задом наперед, на манер автомобилиста, раздался грохот подходящего плимутского поезда. Холмс вынул из кармана часы.

– Отлично! – воскликнул он. – Плимутский идет точно по расписанию. Теперь – по местам и по возможности сразу же в путь. Не стоит откладывать в долгий ящик дело Лондонской юго-западной компании! – С этими словами Холмс развернулся и свесился над краем площадки.

Вскоре мы услышали, как плимутский поезд медленно выползает из Тэмпл-Коумба; когда же он затих в отдалении, стрелки перед нами с шумом защелкнулись. Пора было начинать. Машинист Пруст встал к своей сложной системе управления и трижды с силой выпустил пар, четыреста двадцать первый не спеша покотил по направлению к главной магистрали.

Первая часть нашего путешествия была скучна и однообразна. Милю за милей машинист Пруст вел паровоз на одной и той же скорости, а мы с Холмсом вглядывались в темноту, стоя по краям площадки. Как и предсказывал Холмс, стояла ясная ночь, озаренная яркой луной, окрестности и путь впереди хорошо просматривались, но все это время ни там ни тут я не видел ничего, что могло бы привлечь внимание. Мерный стук колес паровоза, сопровождаемый ритмичным шуршанием длинной лопаты кочегара Тэрранта, когда он подбрасывал уголь, стал усыплять, и только холодный

воздух в лицо и крошки угольной пыли из трубы паровоза мешали мне забыться.

Мы уже проехали большую часть пути, и я начал было подумывать о теплой постели в Солсбери, как вдруг что-то неуловимо изменилось: я не сразу и осознал, что мы поехали гораздо быстрее. Мне не хотелось ломать над этим голову, видимо, Холмс, решив закончить бесполезные наблюдения, велел Прусту прибавить пару.

Я, впрочем, продолжал смотреть в темноту; мимо пронеслись фермы, хозяйственные постройки, поля и изгороди, все еще без единого признака чего-либо необычного. Время от времени я прислушивался к стуку колес и вскоре окончательно уверился, что мы едем еще быстрее; затем я повернулся лицом к кабине, чтобы спросить, почему мы так спешим.

К своему ужасу, я тут же увидел, что кочегар Тэррант крепко спит на маленьком сиденье у меня за спиной. Он повалился вперед, с закрытыми глазами, и единственным, что удерживало его от падения, была лопата, которую он все еще сжимал в руках. На другой стороне площадки на своем сиденье развалился машинист Пруст, руки его свесились по бокам, на лице застыло выражение дурацкого веселья. Холмс, согнувшись, продолжал наблюдение с другой стороны площадки.

Признаюсь, мне стало страшно до крайности. Скорость паровоза была шестьдесят миль в час, если не больше, и на-

ши с Холмсом жизни теперь полностью зависели от действий бригады, которая, похоже, была безнадежно пьяна.

– Холмс! – воскликнул я, перекрывая грохот паровоза. – Холмс! Мы в опасности!

Он обернулся и тут же оценил ситуацию. Схватив машиниста Пруста под мышки, он оттащил его к тендеру и оставил валяться на куче угля, а я в это время изо всех сил старался последовать его примеру, пытаюсь совладать с ватным телом кочегара.

Когда мы убрали их с дороги, Холмс занял место у топки, с трудом удерживая равновесие, ибо пол ходил ходуном.

– Холмс! – вновь закричал я. – Что в конце концов мы можем сделать?

– Спрыгнуть, – откликнулся он, – но это значило бы бросить бригаду на произвол судьбы. Надо остановить паровоз. Ради Бога, найдите ручку гудка у себя над головой и потяните!

Я ухватился за ручку гудка и рванул ее вниз. Перекрывая шум и грохот мчащегося паровоза, ночь расколол пронзительный вой. Крупные капли пота выступили у меня на лице, я смотрел на Холмса, обследующего рычаги и регуляторы, и с ужасом сознавал, что мы сейчас всего лишь в нескольких милях от места назначения. Неужели нам тоже суждено закончить нашу отчаянную гонку в грудe разбитого металла на поворотах станции Солсбери?

Холмс шагнул вперед и начал сражаться с одним из ры-

чагов управления на щитке. Я кинулся было помочь, но он резко отстранил меня.

– Гудок, Ватсон! – закричал он. – Не отпускайте ручку!

Одной рукой я цеплялся за край кабины, а другой изо всех сил схватился за ручку гудка. Паровоз теперь так и летел, и залитый лунным светом пейзаж за спиной Холмса сливался в одну сплошную полосу – так велика была наша скорость.

Пот градом катился по моим щекам, в глазах туманилось. Ноги подгибались, и, казалось, я вот-вот рухну на пол. Голова моя, еще минуту назад кристально ясная ввиду такого отчаянного положения, теперь почему-то отяжелела, будто бы со сна, непонятно было, зачем мой друг возится с рычагами. Рука самопроизвольно разжалась, и я повалился на сиденье кочегара.

– Ватсон! – крикнул Холмс. – Гудок! Нажмите гудок! – И я с трудом поднялся, чтобы вновь схватиться за ручку. Теперь, несмотря на чудовищную скорость локомотива, все ощущалось словно издалека. Шум паровоза стал приглушенным, а гудок казался слабым и далеким. Я забыл о нашей ужасающей скорости и близости станции Солсбери; меня охватил приступ какого-то безумного смеха.

Рванув напоследок один из рычагов, Холмс развернул меня к выходу из кабины и так и держал, выставив мою голову наружу за металлическую перегородку, одновременно нажимая на ручку гудка.

Ветер сдувал кепку с моей головы и хлестал так сильно,

что поначалу мне никак не удавалось вздохнуть. Постепенно дыхание восстановилось, но я все еще чувствовал слабость и головокружение.

Немного овладев собой, я вырвался из рук Холмса.

– Паровоз, Холмс! – прокричал я, задыхаясь. – Вы не можете остановить его?

Он удержал меня твердым движением руки.

– Слушайте внимательно! – скомандовал он. Я вслушался, и до меня медленно доходило, что темп гонки изменился. Теперь постукивание колес на стыках стало реже, паровоз сбросил скорость. Вскоре мы вернулись к тому постоянному ритму, с которым машинист Пруст выехал из Тэмпл-Коумба.

– Попробуйте дотянуться левой рукой до рычага! – прокричал Холмс. – Нет! Не поворачивайтесь в кабину, просто держите ручку. А я попытаюсь включить тормоз. – И сыщик перешел на другую сторону площадки.

Через несколько минут, когда я, пошатываясь от головокружения, все еще цеплялся за ручку гудка, четыреста двадцать первый затормозил у полустанка неподалеку от западной сигнальной будки Солсбери. Как только локомотив застыл на месте, я скатился с площадки и на нетвердых ногах стремглав бросился к насыпи.

ИЗОБРЕТЕНИЕ МАНЬЯКА

Придя в себя, я обнаружил рядом Шерлока Холмса.

– Ватсон, дружище, с вами все в порядке? – участливо спросил он.

Я кивнул и глубоко вдохнул чистый ночной воздух.

– Теперь мне намного лучше, Холмс. Давайте займемся этими беднягами из тендера.

С помощью сигнальщика Холмс спустил на землю машиниста Пруста и кочегара. Усадив их поудобнее, он взял у сигнальщика фонарик и стал пристально изучать лица членов паровозной бригады. Они, казалось, находились в шоке или трансе, и только свежий воздух и свет фонарика постепенно привели их в норму.

Холмс выпрямился и протянул фонарик мне.

– Если вы в силах, Ватсон, будьте добры, засвидетельствуйте, что эти люди не пьяны, а затем дайте медицинское заключение об их состоянии.

Я склонился над ними и принялся осматривать. Туман в глазах слегка рассеялся, но мне все еще с трудом удавалось фокусировать зрение в слепящем свете фонарика. Лица людей смутно вырисовывались в темноте, пятна сажи на щеках были прорезаны белыми полосками там, где пот когда-то ка-

тил градом. Зрачки были сужены, дыхание казалось замедленным. С помощью Холмса я измерил пульс; он оказался очень частым и неровным, и у того, и у другого.

– Ну как, Ватсон? – поинтересовался Холмс.

– Просто невероятно, Холмс! Эти люди, безусловно, трезвые – от них не пахнет спиртным, но налицо все симптомы отравления. Не понимаю, каким образом, но по всем признакам они приняли одну из форм опиатов!

– Тогда ваше мнение совпадает с моим, Ватсон. А вот и народ со станции подоспел! Полагаю, следует перевезти машиниста с кочегаром туда, где о них позаботятся.

Приблизились какие-то темные фигуры – это по железнодорожным путям со станции Солсбери пришли станционные служители, некоторые из них с фонариками. Пока Холмс раздавал указания, я сел на насыпь рядом с путями; головокружение и тяжесть вернулись вновь. Я не помню почти ничего из той ночи, кроме того, что ковылял вдоль железнодорожного полотна, поддерживаемый Холмсом, а потом трясся в кебе, который, видимо, доставил нас в гостиницу.

Мое пробуждение следующим утром было не самым приятным. Открыть глаза, даже в приглушенном свете занавешенной комнаты, удалось с трудом, а когда, оглядевшись, я обнаружил себя в совершенно незнакомой спальне, мысли мои окончательно спутались. Язык присох к глотке, и даже в лежачем положении ощущалась слабость в руках и ногах. Сообразив по мебелировке, что это гостиница, я схватился за

шнурок колокольчика. Тотчас же в дверь постучали.

И без всяких приглашений в комнату вошел Холмс с чашкой кофе на подносе.

– О Ватсон! – воскликнул он. – Позвольте пожелать вам доброго утра!

Я еле-еле собрался с силами, чтобы ответить:

– Холмс, где, ради Бога, мы находимся?

– Вы уже забыли события прошлой ночи, Ватсон? Мы в «Герцоге Кларенском», старой респектабельной гостинице в Солсбери, куда вас доставили после приключений на площадке машиниста.

На меня нахлынули воспоминания, вызывая невольную дрожь. Я наконец дотянулся до чашки, и глоток крепкого сладкого кофе тотчас освежил мою память.

– Вы в состоянии спуститься к завтраку? – спросил Холмс. – Стол уже накрыт в гостиной по соседству, и, если это вас не обременит, я бы хотел пригласить Рэдли составить нам компанию. Вы оба имеете право на некоторые разъяснения по поводу прошлой ночи, а бедняга Рэдли, по словам слуги, дожидается в гостиной на первом этаже с тех самых пор, как только открылись двери отеля.

Несмотря на слабость, мне очень хотелось услышать, к каким выводам пришел мой друг.

– Через пятнадцать минут, Холмс, я присоединюсь к вам с Рэдли.

Сказалась старая привычка к «кочевой» жизни: не про-

шло и пятнадцать минут, как я вошел в гостиную. Рэдли при моем появлении озабоченно вскочил:

– Доктор Ватсон! Как вы себя чувствуете?

– Теперь я способен передвигаться и разговаривать, что, мне кажется, является улучшением по сравнению с прошлой ночью. А как бригада?

– Я был в больнице сегодня утром. Оба пришли в сознание, но ни один не может объяснить, что на них нашло прошлой ночью на площадке. Доктора предписывают им полный покой до окончательного выздоровления.

Холмс предложил нам кофе, а когда мы уселись, начал свой рассказ:

– Я уже говорил вам, мистер Рэдли, в Тэмпл-Коумбе, что сделал определенные открытия. На той стадии я обнаружил, что леди по имени Эйлин Нигл была на борту «Нью-Йорка» и сошла на берег в Плимуте. Плимутский поезд следовал до Ватерлоо, а из некоего источника нам известно, что срочное дело, которое можно охарактеризовать как «государственное», у нее было в Лондоне. Списки погибших и уцелевших в катастрофе, предоставленные компанией, показывают, что ее, по всей видимости, в поезде не было. Место этой леди, вероятно, занял некий Джонатан Я. Сэмюэль, имя которого почти наверняка было настоящим, но по единственному названному им адресу – в отеле – ваши агенты его не нашли.

– А разве эти двое имеют какое-то отношение к крушению?

– Весьма вероятно, что никакого, хотя я уверен в обратном. Однако этот инцидент относится к разряду так называемых «государственных дел», поэтому сейчас я не имею возможности в деталях изложить вам мои подозрения. Тем не менее довольно точно можно обрисовать, как произошла трагедия, при условии, что эта информация останется между нами до тех самых пор, пока я не сочту нужным ее обнародовать.

Рэдли заметно напрягся.

– Мистер Холмс, – произнес он, – мне кажется, вы требуете слишком. Я уже говорил, как важно разрешение этой загадки для меня и моих компаньонов. Как вы можете просить меня держать в секрете ваши открытия?

– Мистер Рэдли, то, что я обнаружил, не оставляет на Лондонской юго-западной компании ни грана вины. Но в этом деле, по всей видимости, затронуты национальные интересы. До тех пор пока я не избавлюсь от всяческих сомнений на сей счет, мне придется просить вас хранить молчание, даже для ваших коллег.

– В таком случае, мистер Холмс, мне придется смириться.

– Спасибо, – кивнул Холмс. – Итак, господа, надеюсь вы помните, что я еще в самом начале утверждал, что не являюсь экспертом в железнодорожных делах. Как выяснилось из криминальных хроник, случаев умышленного столкновения поездов в Британии не было, весьма сомнительно также, чтобы сие могло случиться дважды в течение трех месяцев. Тем

не менее показания сигнальщика Дэя в Грэнтэме и странная история с гудками навели меня на мысль о том, что могло случиться, чтобы крушение было результатом преступления.

– И все подтвердилось? – не выдержал Рэдли, но Холмс не обратил внимания на его вопрос.

– Прошлой ночью я поставил эксперимент в надежде, что обнаружу какую-либо более очевидную причину. В результате же случайно эксперимент выявил не только тот факт, что плимутский поезд умышленно пустили под откос, но и способ, каким это было сделано.

– И как же?! – хором спросили мы с Рэдли.

– Посредством хитроумного изобретения маньяка – вот этого! – воскликнул Холмс и вытащил из кармана конверт. Открыв его, он вытряхнул оттуда несколько комочков темно-коричневого смолистого вещества.

Мы с Рэдли пристально разглядывали темные кусочки, а Холмс тем временем продолжал:

– Когда поезд покидал Тэмпл-Коумб 30 июня, его вели трезвые, здоровые и опытные люди. Но прежде чем он достиг Солсбери, с ними случилось что-то такое, в результате чего они превратились в сомнамбул. Оба не заметили, что подъезжают к Солсбери, или не смогли правильно отреагировать на то, что заметили. Однако не могли же они оба заснуть? Кроме того, нам достоверно известно, что по крайней мере один из них бодрствовал до самого конца, до ужасной развязки этой коллизии.

– Откуда же мы это знаем? – осведомился я.

– Гудок, Ватсон! Когда они на всех парах ворвались в Солсбери, или Роббинс или Гэдд потянул ручку гудка – последняя попытка предупредить тех, кто впереди. Другими словами, между Тэмпл-Коумбом и Солсбери с ними что-то случилось, и они уже не осознавали, что происходит. Правда, один из них все-таки сообразил, что катастрофы не избежать, и послал последнее предупреждение.

– В таком случае, они находились под воздействием наркотиков! – воскликнул я, глядя на комочки перед моими глазами и вспоминая собственные переживания прошлой ночи.

– Гениально, Ватсон! Да, машинист Роббинс и кочегар Гэдд были приведены в состояние полнейшего отупения мощными опиатами.

– Как же их подсунули?! – удивился Рэдли. – Ведь если бы вместе с пищей или водой, вряд ли удалось бы так точно рассчитать время?

– Этого вещества и не было ни в пище, ни в питье, впрочем, не было и необходимости, строго выдерживать временной интервал точно в какой-то момент времени. Намерение маньяка заключалось в том, чтобы плимутский поезд не доехал до Лондона той ночью. Он знал, как вы понимаете, что скорый поезд, управляемый невменяемыми машинистом и кочегаром, неизбежно потерпит крушение где-то по дороге.

– Так каким же образом к ним это попало? – спросил я.

– Я соскоблил эту «грязь» с поверхности топки прошлой

ночью. Похоже, пока четвереста двадцать первый стоял в Тэмпл-Коумбе 30 июня, кто-то вымазал дверцу топки краской, перемешанной с неким смолистым опиатом. Паровоз набирал скорость на пути от Тэмпл-Коумба к Солсбери, пары этой смеси благодаря тяге просачивались из топки в кабину машиниста, а Роббинс и Гэдд вдыхали их. Как и наша бригада прошлой ночью, они впали в сонную одурь, бросив своего стального коня на произвол судьбы, что и привело его к гибели.

– Кошмар! – ужаснулся Рэдди. – Но почему это повторилось прошлой ночью?

– Потому что наркосмола еще не полностью испарилась и потому что малая скорость локомотива привела к уменьшению тяги и к тому, что ослабленные пары наркотика с большей легкостью концентрировались в кабине. Ни Ватсон, ни я, высунувшись наружу, не подверглись воздействию. Правда, Ватсон, повернувшись, надышался-таки отравленного дыма, я же был защищен шарфом, которым ранее замотал лицо от ветра. Как я уже говорил, господа, прошлой ночью чуть не разыгралась еще одна трагедия, потому что я вопреки самому себе теоретизировал, опережая факты и утверждая, что преступление в этом случае не является объяснением.

– Кто способен на такое, Холмс, и почему? – изумился я.

– Чтобы установить имя преступника, я предлагаю мистеру Рэдди обратиться в местную полицию, дабы выяснить,

вместе с хозяйкой нашей гостиницы в Тэмпл-Коумбе, какого числа к ней явился тот астроном. Если это, как я полагаю, произошло 30 июня, то наиболее точное описание этого человека и есть то, что нам нужно. На вопрос «почему» отвечу лишь то, что безумную бойню устроили ради того, чтобы задержать плимутский экспресс. Поскольку доктор Ватсон отдохнул и, похоже, полностью пришел в себя, мы с ним отправимся в Лондон в надежде получить более развернутый ответ.

8

РАЗВЕРНУТЫЙ ОТВЕТ

По случаю отпуска я запер свой дом в Кенсингтоне, распустив на отдых немногочисленных домочадцев. Поэтому штаб-квартиру мы с Холмсом устроили в гостинице, неподалеку от вокзала Ватерлоо. По приезде вечером того же дня мы отправились отсюда на Пэл-Мэл в клуб «Диоген».

Я уже где-то приводил описание этого самого необычного в Лондоне клуба, отличающегося суровым и непреложным правилом, согласно которому в его стенах нельзя ни с кем разговаривать. Старший брат моего друга, Майкрофт Холмс, будучи одним из основателей клуба, теперь ежевечерне наслаждался привилегией, которую он и его коллеги себе создали. О самом Майкрофте я толком ничего не знал и основывался только на том, что мне говорил Холмс, – брат его якобы занимает очень высокий пост; во всяком случае, Шерлок утверждал, что полномочия и сфера влияния Майкрофта столь велики, что при определенных обстоятельствах он, по сути дела, и играет роль правительства. Я, правда, не припоминаю, чтобы когда-нибудь встречал его имя в газетах. То, что такой облеченный властью человек неизвестен широкой публике, свидетельствует не только об осторожности, с которой в этой стране обращаются с государственными дела-

ми, но также и о его собственном «модус вивенди». Он жил в апартаментах на Пэл-Мэл, в двух шагах от своего любимого клуба, а его рабочий стол находился в Сент-Джеймском дворце², немногим дальше. Между этими тремя пунктами он перемещался с постоянством планеты, движущейся по своей орбите, и только чудовищное потрясение могло сбить его с курса. Холмс утверждал, что Майкрофт в интеллектуальном отношении намного превосходит его самого, а скрытое от посторонних глаз существование брата продиктовано только ленью.

Швейцар клуба «Диоген» провел нас в комнату для гостей, единственную во всем помещении комнату, где разрешено разговаривать, и мы застыли у окна, выходящего на Пэл-Мэл, в ожидании Майкрофта. Наконец дверь распахнулась и на пороге возникла высокая и плотная фигура. Несмотря на комплекцию, лицо его сохраняло некую резкость и тонкость черт младшего брата, но глаза были тусклыми, водянисто-серыми, совершенно лишенными силы и глубины глаз моего Друга.

– Добрый день, Шерлок, доктор Ватсон. Это всего лишь светский визит, или же ваше появление следует расценивать как «готовность к бою»?

– Уволь нас от своих шуточек, брат, – сказал Холмс, в то время как мы с Майкрофтом обменялись рукопожатием. – Ты прекрасно знаешь, что нас сюда привело.

² Сент-Джеймс – бывшая королевская резиденция в Лондоне.

– Догадываюсь, – откликнулся Майкрофт, доставая из кармана табакерку из черепахового панциря, – что после первой попытки отказаться ты не выдержал натиска моего друга Борроукли и согласился расследовать это дело с ночными экспрессами, которое так беспокоит его и все руководство компаний. Я прав?

– Конечно, – подтвердил Холмс.

– И каковы же твои успехи в разгадывании этой маленькой тайны? – поинтересовался Майкрофт, вдыхая аромат табака.

– Если ты подразумеваешь причины катастрофы плимутского экспресса, то я могу кое-что поведать. Однако, что касается личности преступника и мотивов его действий, я пока пребываю в полном неведении. Именно поэтому я и хочу с тобой проконсультроваться.

– Со мной?! – изумился Майкрофт, прикрыв нос большим красным платком. – С чего ты взял, что я могу быть тебе полезен?

– Сие препирательство недостойно нас обоих, – отрезал Холмс. – Мы слишком похожи по типу мышления, чтобы продолжать в том же духе. Именно ты послал ко мне Борроукли и его коллег. Более того, могу добавить, зная, что я вряд ли соглашусь принять участие, ты снабдил Борроукли своей запиской, тщательно составленной таким образом, чтобы она ни о чем не говорила Борроукли и в то же время ясно давала мне понять, что твое ведомство заинтересовано в этом деле. Разве это не так?

– И все-таки, Шерлок, – продолжил Майкрофт, пряча и табакерку, и носовой платок, – как ни прискорбны аварии на железной дороге, они не являются прерогативой моего ведомства. Я бы предположил, что это больше касается департамента торговли или, например, почтово-телеграфного управления.

Холмс схватил свою шляпу и сделал шаг к двери.

– В таком случае, ты не возражаешь, если я разрешу Юго-западной железнодорожной компании огласить мое заключение относительно плимутского экспресса?

Майкрофт шагнул ему навстречу:

– Не стоит так горячиться, брат! Посмотрим, возможно, я и помогу, но сначала поведай мне, что же ты обнаружил.

Мы сели, и Холмс изложил свою версию относительно крушения поезда. Правда, не упомянул о двух пропавших пассажирах. Майкрофт на протяжении всего рассказа не проронил ни слова.

– Итак, ты убедился, что катастрофа подстроена, и налицо состав преступления. Чем же я все-таки могу помочь? – спросил он наконец.

– В первую очередь раскрой взаимосвязь между правительством Его Величества и этим делом, не забыв упомянуть о себе.

– Вряд ли я вправе сделать это, – задумчиво ответил Майкрофт. – Не секрет, что по не зависящим от меня обстоятельствам мне стало известно нечто важное. Но эта тайна не

только моя.

– Что ж, – обронил Холмс, – в прошлом ты был готов доверять Ватсону и мне свои собственные и чужие секреты. О какой же тайне идет речь, что теперь ты нам не доверяешь?

Майкрофт поднес руки к лицу и стал их разглядывать. После некоторой паузы он сказал:

– Речь идет о весьма деликатных международных переговорах, причем столь важных, что об этом знают всего несколько человек. Не будет преувеличением сказать, что от результата переговоров зависит мир в Европе, а может быть, и во всем мире.

Холмс вознамерился что-то сказать, но Майкрофт предостерегающе поднял руку:

– Впрочем, причина моего молчания в другом. Я никогда ни в малейшей степени не сомневался в вашем благоразумии и доброй воле, но я весьма озабочен вашей безопасностью. Вы видели, как легко и небрежно наши враги убирают десятки людей. Почему бы им столь же бестрепетно не расправиться с единицами, которые станут у них на пути? Хуже того, неизвестно, что они предпримут в отношении вас, полагая, что вы относитесь к числу посвященных?

– Ладно, Майкрофт, ты достаточно меня знаешь, чтобы понять, что, взявшись за расследование, я всегда довожу его до конца. Опасность никогда не отпугивала меня от продолжения поисков. Не вдаваясь в подробности переговоров, о которых шла речь, дай мне по крайней мере знать, кто наш

враг!

Майкрофт рассмеялся:

– Имя маньяка, который уничтожил плимутский экспресс, мне неизвестно, но у меня нет ни малейших сомнений насчет его хозяев. Они обосновались совсем неподалеку – в Карлтон-Хаус-террас, если быть точным.

Я замер от удивления:

– Германское посольство? Вероятно...

– Именно так, Ватсон. Теперь у меня нет сомнений, что плимутский экспресс был пущен под откос по распоряжению разведывательной службы Его Императорского Величества кайзера Вильгельма II, или, как называют его приближенные, «Всевышнего».

– Но ведь мы не воюем и не собираемся воевать с Германией! – воскликнул я.

– Наш мир с Германией, – пояснил Майкрофт Холмс, – поддерживается лишь посредством целого комплекса весьма деликатных маневров, которые не позволяют кайзеру начать войну.

– Да ведь он – племянник короля Эдуарда, его мать британской королевской крови! – возразил я.

– Верно, доктор, верно, и пока его бабка была жива, он не представлял никакой угрозы. Возможно, если бы его матушка не скончалась вслед за королевой, с ним бы и до сих пор не было особых проблем. Однако в последние пять лет он с огромным энтузиазмом взялся за строительство военных

кораблей. Его раздражают могущество нашей империи и сила нашего флота. Разве не сказано Рейли: «Кто господствует на море, тот господствует в торговле; кто господствует в мировой торговле, тот распоряжается богатством мира...»?

– «...и в конечном итоге самим миром», – закончил Холмс. – Надеюсь, однако, его амбиции не столь велики?

– Как знать, – ответил Майкрофт. – Он рассказывает королю Эдуарду, как он горд, что в нем течет кровь нашей королевской семьи, а дома всячески поносит короля и обвиняет в том, что тот строит планы окружения и уничтожения Германии. Ему нужен флот, превосходящий наш, империя, могущественнее нашей, и господство на рынках. Вместе со своими генералами он без конца строит планы, замышляя то, что они называют «Der Tag», то есть День. День, когда Германия начнет борьбу за свои интересы, за все, что, как там считают, принадлежит ей по праву.

– Означает ли наш союз с французами, что его мечты неосуществимы? – спросил я.

– Еще два года назад кайзер не сомневался, что между Британией и Францией такая давняя вражда, что если он нападет на Францию или ее союзника Россию, Британия не станет вмешиваться. Именно поэтому король приложил столько усилий к заключению «Entente Cordiale». Этот союз вывел из себя Его Императорское Величество. В прошлом году в Танжере он бросил вызов Франции, в результате мы уже были на грани войны. Упомянутые мной переговоры явля-

ются попыткой достигнуть ряда соглашений, которые даже «Всевышнему» дадут понять, что его амбиции непомерны и попытка развязать войну в Европе приведет к уничтожению Германии.

– Союз с Россией, как это ни странно, был бы весьма логичным для нас, – заметил Холмс, – но твой эмиссар следовал из Соединенных Штатов, а не из России.

– Мой эмиссар! – воскликнул Майкрофт. – Поистине, мой дорогой брат, я тебя недооценивал! Откуда ты знаешь?

Холмс лукаво улыбнулся:

– Поскольку к происшествию с плимутским поездом ты считал причастной германскую разведку, тебе пришлось использовать Борроукли и Джессона, чтобы привлечь меня. Видимо, таким образом ты пытался подтвердить свою версию и спасти себя и свое ведомство от прямого вмешательства. Плимутский поезд пострадал, насколько тебе известно, потому что якобы вез эмиссара из Соединенных Штатов, который спешил на встречу с тобой. Вряд ли переговоры с царем велись на другом берегу Атлантики. Уж не собираешься ли ты случайно спасти мир в Европе, уговорив американских кузенов отказаться от своей исторической позиции невмешательства в европейские дела?

Водянистые глаза Майкрофта надолго задержались на лице брата.

– Я вижу, ты с головой ушел в это дело, Шерлок. Не знаю, как ты обнаружил присутствие моего эмиссара в том поезде,

но эти сведения не должны предаваться огласке, иначе все усилия Его Величества окажутся тщетны. Надеюсь, ты никому не сообщал о своих открытиях?

– Я объяснил, не раскрыв причин, Рэдли из Юго-западной железнодорожной компании, как произошла катастрофа, и наложил запрет на любое разглашение тайны, даже его партнерам по компании до специального на то моего разрешения.

– Прекрасно! Но ради твоего же блага настоятельно прошу теперь оставить эту проблему мне. Дело очень опасное, Шерлок!

– Я уже мерился силами с агентами «Всевышнего», Майкрофт!

– Да, брат, конечно, но на этот раз мы имеем дело не с мелкой сошкой вроде Оберштейна, занимающегося пустяками. Здесь мы боремся против их лучших и смертельно опасных агентов, которые вмешиваются в самый механизм мира на земле.

– Ты забыл, Майкрофт, что меня наняли твои друзья из железнодорожных компаний, чтобы отыскать причину трагедий. Таким образом, работа не закончена, не говоря уже о том, что самый смертоносный маньяк в Британии остается безнаказанным. Поможешь ты нам или нет, но мы с Ватсоном обязательно продолжим расследование. Выясним теперь все про эдинбургский почтовый.

– Ты же знаешь уже, как это произошло в Солсбери, стоит

ли копать в Грэнтэме? – спросил Майкрофт.

– Придется, поскольку ты не сможешь убедить меня, что у германской разведывательной службы не было причин связываться с эдинбургским поездом, – сказал Холмс, вставая.

В комнате воцарилась тишина, Холмс набычившись смотрел на брата. И в конце концов нарушил молчание.

– Пойдем, Ватсон, – бросил он. – Кажется, эта бочка уже пуста.

Майкрофт вскочил на ноги, причем на удивление резво.

– Телеграмма! – воскликнул он. – Так вот каким образом вы обнаружили моего эмиссара!

Холмс засмеялся:

– От этой сидячей жизни ты теряешь остроту ума, брат. Да, кстати, не окажешь мне небольшую услугу?

– Если смогу, – отозвался Майкрофт.

– Твое ведомство имеет кое-какое влияние на главу почтового ведомства, а я бы очень хотел узнать некоторые подробности о телеграмме, посланной днем или вечером 30 июня – скорее всего из Плимута – в почтовое отделение в Тэмпл-Коумбе для доставки постояльцу местной деревенской гостиницы. Зная щепетильность управления почтовой службой и честность общественных служащих, я не стал докучать распросами тамошнему почтмейстеру.

ИСЧЕЗНУВШИЙ ГОСПОДИН

На следующий день мы с Холмсом остановились в гостинице Грэнтэма, где Холмс в очередной раз постарался тщательно подготовиться к нашим изысканиям. Борроукли снабдил нас документами своей компании, касающимися катастрофы в Грэнтэме, а также крупномасштабными картами железнодорожных путей и схемами станций. Поздним утром Холмс получил две телеграммы и со смехом передал мне. Первая, из Гринвичской обсерватории, гласила:

НИКАКОГО ЗНАЧИТЕЛЬНОГО ЛУННОГО ИЛИ АСТРОНОМИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ ВИДИМОГО В СОМЕРСЕТЕ НА 30 ИЮНЯ 1 ИЮЛЯ НЕ ПРИХОДИТСЯ ТЧК СОБЩИТЕ ПРИЧИНУ ВАШЕГО ЗАПРОСА ТЧК

Вторая была от Майкрофта:

ПОЧТМЕЙСТЕР ТЭМПЛ-КОУМБА ПОДТВЕРЖДАЕТ ПОЛУЧЕНИЕ СЛЕДУЮЩЕГО ПОСЛАНИЯ ИЗ ПЛИМУТА 30 ИЮНЯ ДЛЯ МИЛЛЕРА ПОВТОРЯЮ МИЛЛЕРА В ТЭМПЛ-КОУМБЕ А ИМЕННО ЛУНА СЛЕДУЕТ НЕ ПОБЕРЕЖЬЕМ ТЧК ПОДГОТОВЬСЯ К ЗАТМЕНИЮ НА ТВОЕМ УЧАСТКЕ ТЧК ПОДПИСЬ Z ПОВТОРЯЮ Z ТЧК НАДЕЮСЬ ЭТО ПОМОЖЕТ – М

– По всей видимости, наш астроном-экспериментатор был

обманщиком, – заключил Холмс, когда я прочел обе телеграммы.

– Как вы и полагали, Холмс, – заметил я.

– Как я предполагал, Ватсон, – поправил Холмс. – Можно теоретизировать, если это не противоречит фактам, которые нам известны, но неразумно заходить слишком далеко без уточнения этих фактов. Мои знания астрономии, как вы публично заметили, ограничены, но, думаю, мы можем положиться на заключение экспертов в Гринвиче. Сожалею, но, видимо, нам придется оставить их в неведении по поводу причины запроса не только из-за моего брата, но также потому, что они, вероятно, не поверят нашим объяснениям.

– А вторая телеграмма? – спросил я.

– Только подтверждает первую. Так называемый астроном на самом деле был германским агентом, который, находясь в Темпл-Коумбе, должен был получить информацию от сообщника в Плимуте относительно эмиссара Майкрофта. Послание облекалось в достаточно научную форму, чтобы сбить с толку телеграфных работников; далее следовало не допустить прибытия плимутского поезда в Лондон той же ночью. Теперь нам надо подождать и посмотреть, что за информация придет из Тэмпл-Коумба, прежде чем мы отправимся в Питерборо.

В полдень появился Рэдли, только что с вокзала Ватерлоо, и за ленчем изложил результаты розысков в Тэмпл-Коумбе.

– Похоже, астроном, который значитесь как Миллер, при-

был из Лондона во второй половине дня. Носильщик, который помог господину с багажом какой-то необычной формы, в том числе с длинным, кожаным тубусом, называет это время. Говорит, пассажир сошел с поезда со стороны Лондона.

– Нельзя ли как-нибудь уточнить? – поинтересовался Холмс.

– Я лично проверил использованные билеты пассажиров, сошедших в тот день в Тэмпл-Коумбе. Всего лишь три от Ватерлоо. Я сверил номера серий, и оказалось, что два из них выданы как раз в такое время, чтобы их владельцы могли оказаться в Тэмпл-Коумбе в полдень. Да еще, контролер в Сомерсете также припомнил человека с лондонского поезда с необычным багажом: он спрашивал его о гостинице.

– Великолепно! – воскликнул Холмс. – Рэдли, вы поработали на славу! Итак, вдобавок к моему хозяину гостиницы и его жене, этого человека видели еще носильщик и контролер. Они могут его описать? Каков он был собой?

– Тут-то как раз собака и зарыта, мистер Холмс, – ответил Рэдли. – Все они описывают одного и того же человека среднего роста и сложения, одетого слишком шикарно для сельской местности – в светлый костюм и широкополую соломенную шляпу. Правда, относительно цвета его глаз сведения разноречивы, зато все в один голос твердят, что волосы этого человека были неопределенного цвета и носил он бакенбарды.

– Которые, конечно, могли быть фальшивыми, – закончил

за него Холмс, – и мы остаемся при неопределенном цвете, среднем росте и комплекции. Немногого стоит! Каковы особенности речи? Акцент, например?

– Все они утверждают, что он разговаривал «как джентльмен», и акцент, я уверен, они бы заметили. Люди, живущие в сельской местности, очень наблюдательны.

Наконец Рэдли ушел, и я вернулся к теме нашего разговора:

– Послушайте, Холмс, если этот так называемый астроном и был тот самый маньяк, который пустил под откос плимутский поезд, то отсутствие акцента у него очень настораживает!

– Отчего же, мой дорогой Ватсон? Ведь это только в рассказах Секстона Блэйка все иностранные шпионы говорят с явным акцентом.

– Холмс, конечно, найдутся такие граждане, чья верность покупается, а порочность побуждает их служить другому народу, но ни один британец не способен на подобное преступление!

Сыщик искренне рассмеялся.

– Старый добрый друг Ватсон! – воскликнул он. – Как только мы вернемся в Фулворт, обязательно прочтите мои общие тетради. Там вы найдете заметки о самых ужасных преступлениях, совершенных обыкновенными британскими мужчинами и женщинами. Мэри Арнольд, женщина-монстр, которая ослепила своего ребенка с помощью живых жуков,

помещенных под скорлупки грецкого ореха и привязанных поверх его глаз; Палмер, ваш деревенский коллега, который разделял вашу страсть к ипподрому и обеспечивал свое увлечение за счет того, что отравлял друзей; миссис Коттен, йоркширская убийца; чудовищные Барк и Хэар со своим другом Кнохом, еще одним доктором, Ватсон. Список бесконечен, старина. В нашей стране, как и в любой другой, нет ни одного преступления, которое характеризовало бы какую-то определенную нацию.

– И все же с трудом верится, что это британец.

– Посмотрим, Ватсон, посмотрим. В настоящее время мы знаем только, что он – без особых примет и увлекается астрономией.

– Так вы считаете, что он и вправду астроном?

– Было бы удивительно, если бы он им не был, – ответил Холмс. – Ведь астрономический телескоп – весьма странное приспособление, чтобы обставить выдуманную роль, если только у вас его случайно нет. Теперь давайте-ка проследуем до вокзала и поищем следы мистера Миллера в Питерборо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.